

ФИЛОСОФИЯ КОММУНИКАЦИИ И СОВРЕМЕННАЯ ЦИФРОВАЯ СРЕДА

Лаппо В. Д., Сосновская А. В., студенты

Белорусский государственный университет информатики и радиоэлектроники
г. Минск, Республика Беларусь

Гуринович С. В. – преподаватель

Работа посвящена одному из важнейших каналов социализации личности – коммуникации. Рассматривается потенциал основных модусов коммуникации: монолог, диалог, молчание. Раскрываются современные цифровые трансформации коммуникативных актов.

Коммуникация является важнейшей категорией в рамках философской антропологии, поскольку она выступает существенным фактором социализации личности. Коммуникация в строгом смысле – это информационный процесс, передача субъектом сообщения объекту [1]. Философ К. Ясперс определяет коммуникацию как универсальное условие человеческого бытия. Он выделяет уровни «Я» (эмпирический, сознание вообще, дух, экзистенциальная коммуникация) и соответствующие им типы общения. Эмпирический – другой как средство для выживания. Сознание вообще – обмен логическими, общезначимыми смыслами. Дух – общение через причастность к целому (народу, культуре). Экзистенциальный – подлинное общение уникальных «самостей», где человек раскрывается через другого [2]. Лотман добавляет, что коммуникация может быть направлена на самого себя («Я – Я»), что меняет саму личность (аутокоммуникация). Бейтсон подчёркивает важность «рамки» (например, «это шутка»), которая задаёт способ понимания сообщения. В современном мире доверие к такой рамке часто важнее содержания [3].

В зависимости от характеристик субъектов и типов взаимодействия в философской антропологии классифицируют социальную коммуникацию в таких модусах, как монолог, диалог, молчание.

Монолог представляет собой асимметричную форму общения, при которой один голос претендует на исключительное обладание истиной. По К. Ясперсу, как только человек воображает себя носителем безусловной истины, подлинная коммуникация прекращается [2]. Ю. Лотман сравнивал монолог со скульптурой: она рассчитана на созерцание и не требует ответа [3]. *В сущностном плане монолог нередко понимают как внутренний диалог. В лингвистике и литературоведении монолог определяют как целостное высказывание, которое не предполагает немедленной ответной реплики и как бы «изъято» из живого диалогического обмена.* При этом даже в условиях многообразия коммуникативных практик монолог сохраняет свою суверенную «креативную» или «индустриальную» структуру: он представляет собой сложный объект, систему структурных элементов (реплики, предлоги, контакты, приставки, интонации), которые вместе образуют цепочку смысловых действий. Идеи абсолютной истины, абсолютной правдоподобности, абсолютной веры служат основой для построения монологического текста, который, в свою очередь, становится основанием для дальнейшего анализа и обобщения.

Диалог, с точки зрения философской антропологии, является фундаментальным условием становления личности. М. М. Бахтин утверждал: «Быть – значит общаться диалогически», поскольку человек обретает себя только через Другого [4]. К. Ясперс рассматривал диалог как «меру человека»: подлинная коммуникация – это общение «в истине», где происходит обнаружение своего «Я» в Другом [5]. В отличие от узкотехнической коммуникации, диалог (общение) предполагает симметричную связь, где участники выступают как функционально равные и свободные субъекты совместной деятельности. В моменты кризисов и катастроф диалог становится единственным способом преодоления абсурдности бытия, заставляя человека обращаться к духовным истокам и искать взаимопонимания поверх культурных и конфессиональных барьеров. Подлинная диалогическая коммуникация возможна только при условии отказа сторон от претензий на владение «безусловной истиной», так как «с борцами за веру говорить невозможно» [2].

Молчание в философии коммуникации также признаётся полноценной коммуникативной единицей. Оно может выступать знаком отказа, неспособности поддерживать отношения или, напротив, формой глубокого присутствия. Социолог Э. Ноэль-Нойман ввела понятие «спираль молчания», описывающее ситуацию, когда человек, опасаясь изоляции, не высказывает мнение, расходящееся с позицией большинства или СМИ. В таком контексте молчание становится индикатором конформизма или скрытого несогласия [3]. Помимо этих аспектов, молчание обнаруживает значительный личностный и творческий потенциал. Исследователи отмечают, что безмолвие способствует обретению состояния внутренней гармонии, наполненности, а также обладает напряжённостью и активностью. Молчание закономерно «разрешается» прорывом в реальное творчество, соединяя буквы и звуки с тем, что их породило.

По способу взаимодействия выделяют непосредственную и опосредованную коммуникацию. Общение как форма непосредственной коммуникации отличается лично-экзистенциальной связью и функциональным равенством. Это симметричное взаимодействие, в котором участники выступают

равноправными субъектами совместной деятельности. При непосредственной коммуникации важную роль играют невербальные сигналы и общность переживания ситуации [1]. *Этого нельзя утверждать об опосредованной коммуникации. Её главная проблема – ограниченность межличностного восприятия*: участники испытывают трудности в оценке друг друга и вынуждены мысленно «добраивать» образ собеседника на основе стереотипов [2].

Современная коммуникативная среда характеризуется вытеснением прямого общения. Важным преимуществом является отсутствие зависимости у субъектов взаимодействия от времени и местоположения, комфортная среда и анонимность. Однако это же приводит к определенным рискам. Главной проблемой становится ограниченность межличностного восприятия, что затрудняет понимание и формирование эмоциональных привязанностей. Еще одной проблемой сетевой коммуникации является анонимность в сети. В условиях, когда личность скрыта, коммуникация превращается в механический обмен данными. С точки зрения М. Бубера, в такой среде «Ты» собеседника исчезает, превращаясь в объект («Оно»), который можно анализировать или использовать, но с которым невозможно подлинное бытие. Анонимность в цифровой среде часто ведет к проявлению агрессии, обценной лексике и переходу общения на уровень «эмпирического Я», где другой человек воспринимается лишь как средство [4]. Опираясь на классификацию К. Ясперса, исследователи отмечают, что анонимность удерживает общение на самом низшем, эмпирическом уровне. На этом уровне другой человек воспринимается лишь как средство для получения удовольствия, информации или самосохранения. Такое общение не является целью, а *направлен лишь на удовлетворение практических потребностей* [2].

Развитие нейросетей одновременно усилило и упростило коммуникацию, но также сделало её более опосредованной и противоречивой. Так, например поиск информации, выполнение рутинных задач стало гораздо быстрее и удобнее. Появились первые чат-боты-компаньоны, с которыми люди общаются ежедневно. Они доступны всегда, подстраиваются под эмоциональное состояние пользователя, никогда не критикуют и всегда готовы помочь. Из этого вытекают новые проблемы. Часть людей начинает предпочитать ИИ-собеседников реальным людям, что снижает мотивацию развивать эмпатию, терпение и навыки решения конфликтов в реальных отношениях [6]. Нейросети прекрасно имитируют эмпатию и человек быстро привыкает к идеальному, всегда поддерживающему партнеру. Такая эмпатия ненастоящая. Человек может ощутить себя менее одиноким, но эффект этот кратковременный. В долгосрочной перспективе это может привести к социальной изоляции и сильной эмоциональной зависимости от технологий. диалог с большими языковыми моделями имеет форму «аутокоммуникации»: адресант и адресат частично совпадают, потому что нейросеть отвечает строго в рамках того, что пользователь смог сформулировать [7].

Таким образом, современные коммуникативные практики характеризуются противоречивой динамикой: с одной стороны, они расширяют возможности для обмена информацией и преодоления пространственно-временных границ, с другой – ставят под угрозу самоценность диалогической встречи. Среди ключевых проблем цифровой среды можно выделить ограниченность межличностного восприятия, вынужденное добраивание образа собеседника и утрату невербальных каналов связи. Особую роль в этом контексте играет анонимность. Современное развитие нейросетей и технологий искусственного интеллекта порождает новые коммуникативные практики, среди которых особое место занимает аутокоммуникация – диалог человека с языковой моделью, фактически являющийся разговором с самим собой. Такое общение создаёт иллюзию эмпатии и доступности, однако несёт риски эмоциональной зависимости, атрофии навыков реального взаимодействия и углубления социальной изоляции.

Список использованных источников:

- 1 Яскевич, Я. С. *Философские проблемы социальной коммуникации : учебное пособие / Я. С. Яскевич. — Минск : Вышэйшая школа, 2017. — 286 с.*
- 2 Демидов, А. Б. *Феномены человеческого бытия / А. Б. Демидов. — Минск : Экономпресс, 1999. — (Глава IV. Коммуникация).*
- 3 Почепцов, Г. Г. *Теория коммуникации / Г. Г. Почепцов. — М. : Рефл-бук ; Киев : Ваклер, 2001. — 656 с.*
- 4 Серёгин, А. А. *Проблемы современной социальной коммуникации: философский аспект / А. А. Серёгин // Манускрипт. — 2021. — Т. 14, вып. 9. — С. 1887–1891.*
- 5 Мудрагей, Н. С. *Коммуникация как мера человека (возрождая Ясперса) / Н. С. Мудрагей. — С. 143–155*
- 6 Wei, M. *How AI could shape our relationships and social interactions / M. Wei // Psychology Today. — 2025. — July 10. — URL: <https://www.psychologytoday.com/us/blog/urban-survival/202502/how-ai-could-shape-our-relationships-and-social-interactions> (дата обращения: 26.03.2026).*
- 7 *Может ли искусственный интеллект повлиять на отношения и привести к социальной изоляции // nappc.ru. — 2025. — 10 июля. — URL: <https://nappc.ru/tpost/jksa0n0i51-mozhet-li-iskusstvennii-intellekt-povliy> (дата обращения: 26.03.2026).*